

Комсомольська міська рада
Міський відділ культури
Комсомольський історико-краєзнавчий музей
Музей ВАТ «Полтавський ГЗК»
Головний редактор: Стахів Т.А.
Редакційна колегія: Слівіна М.Ю., Стахів М.П., Власюк І.М.
Фото та малюнки: Стахів М.П., Поренко Л.Г., Кракало І.В.,
Супруненко О.Б., та авторські.
Комп'ютерна верстка: Валентин Чорнобай
«Свічадо Придніпров'я». Краєзнавчий альманах. Книга VIII.
Тип видання: тверда палітурка, з золотим тисненням,
друк офсетний - 236 с., кольорові ілюстрації - 20 с.
Наклад - 300 примірників
Комсомольськ, видавництво «Apriori print», 2012 р.

У щорічнику висвітлюються маловідомі сторінки як давньої так і сучасної історії. Особлива увага приділяється науковим дослідженням краю. Геологія, палеонтологія, археологія, етнографія, краєзнавчі пошуки, як видатних вчених, так і учнів початківців знайшли місце на сторінках книги. Духовні надбання педагогіки та літератури доповнили напрацювання дослідників-краєзнавців.

Для широкого загалу читачів.

Ця збірка видана за кошти ВАТ «Полтавський ГЗК»



Аксьонов Віктор Степанович - завідувач відділу археології Харківського історичного музею, кандидат історичних наук, дослідник старожитностей Салтівської археологічної культури, фахівець з археології середньовіччя Дніпровського Лівобережжя, учасник кількох наукових конференцій, проведених в Комсомольську.

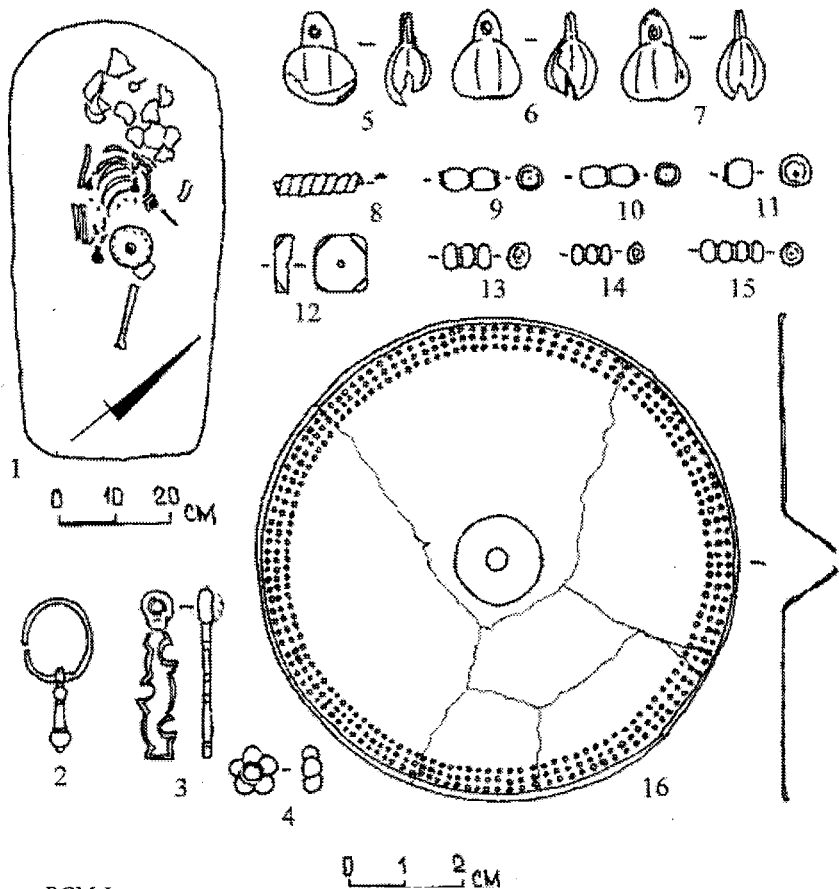
ЯМНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ № 2 С ПЕРВОГО ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Єдиничні захоронення в простих ґрунтових ямах були обнаружені на катакомбном могильнику у с. Верхній Салтов ще в перші роки його дослідження. С возобновленням в 1984 г. робіт на могильнику експедицією Харківського історичного музею кількість обнаружених ямних захоронень збільшилося. Так, на основному могильнику у с. Верхній Салтов (ВСМ-I) було обнаружено 9 ямних захоронень, на третьому і четвертому могильниках (ВСМ-III і ВСМ-IV) – 4 і 5 погребень, відповідно.

Захоронення в простих ґрунтових ямах були обнаружені і на інших катакомбних могильниках лесостепного варіанта Салтівської культури (Дмитрієвськом, Маяцком і др.). Відкриття серед салтівських катакомб Подонья ямних захоронень поставило в питанні об їх хронологічному співвідношенні і етнічеської належності останніх.

В теперішній час в літературі панує думка, що ямні погребення Верхне-Салтівського могильника належать аланським дітям і підліткам, які в силу яких-то причин не були повноправними членами суспільства, і, відповідно, не могли бути погребені в сімейних катакомбах (Бубенок 1993, с. 51-53). При цьому О.Б. Бубенок допускає, що діти від змішаних шлюбів, коли їх мати не належала до аланського етносу, могли погребатися не в сімейному склепі, а на общеродовому ділянці в ґрунтовій ямі, що в загальних рисах відповідало погребальним традиціям предків цієї жінки (Бубенок 1993, с. 54).

Особливістю більшості ямних погребень на катакомбних могильниках регіону є їх безінвентарність. Тому захоронення з багатим і різноманітним інвентарем не можуть не привертати уваги дослідників. Таким цікавим захороненням є погребення № 2, обнаружене на ВСМ-I експедицією Харківського історичного музею (ХИМ) під керівництвом В.Г. Бородулина в 1985 році.



ВСМ-I розположен на западному і северо-западному схилах Капиносого оврага. Он являється найбільше територіально віддаленим від Верхне-Салтовського городища участком некрополя. О.В. Іченська вважала, що даний ділянку являється найбільше раннім і постійно використовуваним, тому вона датувала його VIII – X вв. (Іченська 1983, с. 146, рис. 2). Матеріали катакомбних захоронень на даній ділянці показують, що він використовувався з другої чверті – середини VIII століття на протязі всього IX в. Достовірними даними об використанні даної ділянки в началі X в. ми не розполагаємо. Ямні захоронення тут розміщуються середі катакомб. Зачастую їх вдається зв'язати з конкретними сімейними усыпальницями.

Погребення № 2 було виявлено на відстані 0,6 м від лівої бічної частини дромоса катакомби № 38, до якої воно, ймовірно, і належить. Тенденція розміщати

детские захоронения вблизи левой боковой стенки дромоса на катакомбных могильниках Верхнего Салтова, прослеживается и в тех случаях, когда детские костяки были обнаружены в отдельно вырытых для них катакомбах небольших размеров. Могильная яма, имеющая в плане форму прямоугольника размером 1,45 х 0,7 м и глубиной 0,6 м от уровня современной поверхности почвы, была ориентирована своими длинными сторонами вдоль линии юго-восток – северо-запад (азимут 315°). Костяк ребенка 3-4 лет лежал в вытянутом положении на спине, руки вытянутые вдоль тела, ноги прямые, головой на северо-запад. Слева от черепа была найдена литая серебряная сережка с неподвижной привеской. У шейных позвонков и верхней части грудной клетки находились: серебряный дирхем, превращенный в нашивку путем пробития в нем трех отверстий; пять бронзовых спиралевидных пронизей; две бронзовые литые пронизи в виде колечка из пяти миниатюрных шариков; бронзовый амулет в виде S-образно извивающегося стебля растения; три бронзовых литых бубенчика; шесть многосекционных бусин с металлической прокладкой серебристого цвета; половинка агатовой 14-гранной бусины. На костях таза ребенка лежала бронзовая «умбовидная» бляха диаметром 8,5 см. По краю бляха имела небольшую закраину шириной около 0,5 см. В центре бляхи располагался конусовидный выступ высотой 1,0 см, в котором было пробито сквозное отверстие диаметром 0,4 см. Вдоль закраины бляха была украшена орнаментом из трех концентрических рядов точек, выполненных при помощи пуансона.

Данное захоронение представляет интерес и с хронологической, и с этнической точки зрения. К сожалению, для датировки комплекса мы не можем опираться на дирхем из захоронения, ибо он не поступил на хранение в фонды ХИМ (вероятно, утерян еще в поле)*. Поэтому основное внимание привлекает умбовидная бляха, ибо остальной погребальный инвентарь является характерным для «классических» салтовских древностей. Подобные изделия до этого случая в салтовских памятниках не встречались. Наиболее близкой к нашей бляхе является бронзовая бляха диаметром 9,5 см с тисненым орнаментом в виде кружков и линий из кургана № 2 у деревни Цурковка под Смоленском (в пойме р. Уфиньи левого притока Днепра) (Шмидт 1958, с. 166, рис. 3, 9). В этом же погребении был обнаружен бронзовый браслет, концы которого образуют полые конусовидные трубочки, по наружной стороне которых нанесен орнамент в виде ложной зерни (Шмидт 1958, рис. 3, 15). Такие браслеты хорошо представлены в «антских» кладах 2 группы по О.В. Щегловой, которые датируются началом VIII века (Щеглова 1990; Гавритухин, Обломский 1996, рис. 61, 20, 22). Подобные умбовидные бляхи, но снабженные приклепанной пластинчатой петелькой или прямоугольной прорезью для подвешивания и меньших размеров (до 6 см), входят в состав антских

* Отметка в Полевом дневнике В.Г. Бородулина, что найденный дирхем датируется началом X века, вызывает сомнение, хотя бы уже потому, что определение сделано в поле. На тот момент В.Г. Бородулин только третий год занимался изучением салтовских древностей, а в экспедиции отсутствовал специалист по нумизматике. К тому же из более чем 100, найденных в захоронениях Верхнего Салтова монет, большинство датируется VIII – IX вв., часть монет была отчеканена в VI – VII вв. Лишь единичные монеты датируются началом X века, но все они происходят из дореволюционных раскопок Д.И. Багалая и А.М. Покровского (Иченская 1983, с. 144, табл. 5, 6).

кладов второй половины VII – начала VIII вв. (Козиевский, Пастырский 1949, Хацкий, Гапоновский). Все это позволяет датировать ямное погребение № 2 Верхне-Салтовского основного могильника серединой – третьей четвертью VIII в. Не противоречит такой датировке и погребальный инвентарь захоронений из катакомбы № 38, с которым планиграфически связано рассматриваемое ямное погребение № 2.

Аналогии этой же умбоновидной бляхи указывают и направление поиска этнических групп, которые приняли участие в формировании Салтовской археологической культуры в лесостепных районах Подонцовья. Так, близость бляхи из погребения № 2 к умбоновидным подвескам из кладов второй половины VII – начала VIII вв. с территории Днепровского лесостепного Левобережья указывает на вероятность участия в сложении Салтовской культуры выходцев из среды пеньковского населения. Однако, в отличие от О.Б. Бубенка, мы не считаем, что родившиеся в межэтнических браках (муж алан, жена – представительница другого этноса) дети, могли после своей смерти хорониться их матерями в соответствии с обычаями её предков (Бубенок 1993, с. 54). По данным этнографии, у большинства народов мира, в т. ч. и народов Северного Кавказа, дети принадлежали только отцу, и в случае развода всегда оставались с ним (Магометов 1962, с. 48). Поэтому детей от мужа алана и жены другой этнической группы должны были хоронить в соответствии с аланскими погребальными традициями. Помещение умершего ребенка до 5 лет (возраст, когда мальчиков и девочек начинают воспитывать раздельно, их одежда шьется в соответствии с полом ребенка, детей начинают привлекать к труду) не в погребальной камере катакомбы, а грунтовой яме рядом с катакомбой, вероятно, обусловлено характером смерти ребенка. Не естественная (преждевременная) смерть у многих народов рассматривалась как веская причина, не позволяющая хоронить умерших по устоявшимся канонам погребального обряда. Так, например: у осетин умерших от оспы детей не оплакивали и хоронили отдельно (Калоев 1984, с. 74). Поэтому ребенка, погребенного в ямном захоронении № 2, следует считать представителем аланского этноса, который или еще не достиг того возраста, когда его уже могли хоронить в катакомбе (т.е. он еще не прошел первой возрастной инициации, и поэтому в полной мере не был включенным в общественную структуру семьи), или же его смерть была преждевременной (неестественной).

Участие в процессе становления Салтовской культуры представителей пеньковского населения вполне вероятно. По данным этнографии, переселение на новые земли у алан осуществлялось малыми семьями, а на новом месте поселения наблюдалась тенденция к их разрастанию в большие патриархальные семьи, что было обусловлено хозяйственной необходимостью (Магометов 1962, с. 10). Поэтому можно предположить, что, переселившись на новые земли, аланы для более продуктивного ведения хозяйства могли включать представителей других этнических групп (праболгар, славян) в состав своих семей на правах младших родственников со всеми вытекающими отсюда последствиями. Пришедшие на новое место жительства неженатые аланские юноши, по-видимому, обзаводились женами/наложницами путем увода представительниц других народов, проживавших на осваиваемой территории или вблизи от нее. При этом, как показывают материалы Верхне-Салтовского могильника, жениногородки погребались в семейных катакомбах, в соответствии с погребальными

обычаями их мужей (алан) (Аксенов, Лаптев 2009, с. 242–258). По-видимому, это правило соблюдалось и в отношении детей, родившихся в смешанных семьях.

Таким образом, захоронение № 2, вероятно, принадлежит ребенку, отцом которого был представитель аланского этноса, а матерью – женщиной из среды населения Пеньковской археологической культуры. Захоронение умершего ребенка не в семейном склепе, а в отдельной грунтовой яме, связано или с его младенческим возрастом (до 5 лет), или с тем, что его смерть не была естественной (оспа и др.).

Литература

1. *Аксенов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности 2009. – Харьков, 2009.*
2. *Бубенок О.Б. Етнічна приналежність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // Археологія. – 1993. – № 4.*
3. *Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996.*
4. *Иченская О.В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Вопросы хронологии и периодизации памятников Украины. – К., 1983.*
5. *Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1984.*
6. *Магомедов А.Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. – Орджоникидзе, 1962.*
7. *Шмидт Е.А. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. – М., 1958. – № 3.*
8. *Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 1990.*